

12+

ИНГРИД. ДЫХАНИЕ ЯН-УРА

Сергей Самборский

Сергей Самборский
Ингрид. Дыхание Ян-Ура

«Издательские решения»

Самборский С.

Ингрид. Дыхание Ян-Ура / С. Самборский — «Издательские решения»,

В скрытом от метелей оазисе Ян-Ура изгнанница Ингрид обретает не просто убежище, а развивает истинную силу в Законе Милосердия. Пока Ульф хранит покой их нового дома, Ингрид невольно становится легендой. Там, где старый Закон Племена велит убивать, ее Закон дарует жизнь, превращая «Подломленную» в Великую Матерь, чей свет готов изменить судьбу всех племен Ура-Ала. «Ингрид. Дыхание Ян-Ура» — Это вторая книга саги об Ингрид «От изгнания до предназначения»

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Ингрид. Дыхание Ян-Ура

Сергей Самборский

© Сергей Самборский, 2026

ISBN 978-5-0070-2640-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Последний подъем на перевал казался бесконечным. Ульф шел первым, тяжело вбивая обмотанные шкурами ноги в глубокий, слежавшийся снег. Каждый шаг давался ему с хриплым, свистящим выдохом; легкие горели от разреженного ледяного воздуха. Лицо охотника, заросшее густой неровной бородой, было покрыто коркой инея и копоты. Глаза превратились в узкие щели, воспаленные от вечного белого блеска. Он уже не чувствовал своих пальцев, не чувствовал тяжести топора — он просто был тем, который должен был пробить тропу для той, что шла следом.

Ингрид едва передвигала ноги. Она похудела так, что меховая накидка висела на ней мешком, подпоясанным обрывком жилы. Ее лицо осунулось, скулы стали острыми, а кожа — прозрачной, как пергамент. Она шла, глядя только в спину Ульфа, боясь поднять голову, чтобы не увидеть очередной бесконечный склон. Руки ее, исцарапанные и посиневшие от холода, крепко сжимали лук, который теперь казался непосильной тяжестью. И вдруг мир замер.

Ульф остановился так резко, что Ингрид чуть не врезалась в него. Он стоял на самом гребне, там, где хребет переламывался, уходя круто вниз. Ветер здесь не завывал, как на северном склоне, он шел откуда-то снизу — странный, плотный и... влажный. Ингрид подняла глаза и невольно прижала ладонь к губам.

Прямо перед ними, внизу, лежала огромная, защищенная со всех сторон черными скалами долина. Она казалась чашей, которую великаны наполнили самой жизнью. Посреди этой чаши возвышалась гора с широкой, будто срезанной вершиной. Из ее недр в ясное, пронзительно-синее небо поднимался густой столб белого пара. Он не таял, а лениво плыл вверх, закручиваясь в медленные кольца. Гора не просто стояла — она дышала. Гулкое, утробное ворчание земли доносилось оттуда, вибрируя под их подошвами, как сердце огромного зверя. Но самое невероятное было вокруг этой горы.

Там, где кончались осыпи и мертвый камень, начиналась зелень. Это был не тот серый мох, что они видели в предгорьях. Это была настоящая, густая трава, такая яркая, что от нее болели глаза, привыкшие к бесконечной белизне. Целые рощи деревьев с широкими, блестящими листьями колыхались внизу, окутанные легкой золотистой дымкой. Над долиной дрожало марево, какое бывает только в самый жаркий летний полдень. Тепло поднималось от земли осязаемыми волнами, и этот воздух, пахнувший сырой землей, хвоей и какими-то незнакомыми цветами, ударил им в лица.

— Ульф... — Ингрид едва смогла выговорить это имя, голос ее сорвался. — Смотри... там вода. Она не спит.

В самой глубине долины, у подножия изумрудных холмов, лежало озеро. Огромное, неподвижное, оно казалось куском чистого неба, упавшим на землю. По его поверхности не бежала ледяная корка, в нем отражались заснеженные пики окружающих хребтов, подчеркивая невозможную красоту этого места. Вода была живой.

Ульф медленно опустился на колени прямо в снег. Его плечи, годами привыкшие нести груз и ответственность, вдруг расслабились. Он смотрел вниз, и его суровое, изрезанное морщинами лицо дрогнуло. Весь тот путь, все те испытания и страхи, что они оставили за спиной, теперь казались лишь долгим, страшным сном перед этим пробуждением.

— Живая земля, — прохрипел он, вытирая слезящиеся глаза замерзшим кулаком. — Настоящая трава, Ингрид. Мы ведь... мы дошли.

Ингрид сделала шаг вперед, переступая через невидимую границу, где кончался снег и начинался прогретый солнцем камень. Она чувствовала, как тепло от дымящейся горы касается ее щек, как оно пробирается под старые шкуры, отогревая застывшую кровь. Она смот-

рела на озеро, на пар, поднимающийся от горячих источников, на птиц, которые маленькими точками кружили над лесом, и в ее груди впервые за долгие луны разлилось спокойствие.

— Ян-Ура, — тихо произнесла она, пробуя слово на вкус. — Дыхание Гор.

Она не знала, откуда пришло это название, но оно легло на сердце так же естественно, как этот теплый ветер на ее лицо. Ура-Ал больше не хотел их убить. Он выдохнул это тепло, чтобы согреть их, чтобы дать им дом, который они заслужили.

Ульф поднялся, опираясь на топориче, и посмотрел на нее. В его взгляде не было война — только человек, который наконец-то нашел тишину.

— Ян-Ура... — повторил он вслед за ней. — Красиво. Будто гора сама сказала свое имя.

Они стояли на краю, изможденные, в порванных шкурах, с пустой сумой, но с лицами, обращенными к свету. Саргат, стоявший чуть в стороне на скальном выступе, в последний раз повел носом, вдыхая чужой, слишком теплый для него воздух, и негромко, коротко тьякнул, словно прощаясь.

Впереди был спуск. Впереди была трава, теплая вода и первая настоящая ночь без страха замерзнуть.

Воздух здесь, на самом краю обрыва, дрожал от столкновения двух миров. Сзади, со стороны ледников, тянуло привычной ледяной горечью и смертью, а в лицо бил плотный, пахнувший прелой хвоей и живой водой ветер Ян-Ура.

Серые волки остановились там, где кончался чистый снег. Они не пошли дальше, на прогретые солнцем камни южного склона. Для них это тепло было чужим, почти болезненным. Они стояли неподвижной шеренгой — мощные, поджарые звери с густой, заиндевевшей шерстью. Их глаза, прозрачные, как озерный лед, теперь не горели голодом. В них было странное, почти торжественное спокойствие.

За долгое время пути, пока они вели людей через хребты, по всем горам, от пещеры Шамана до самых дальних отрогов, прошел неслышный зов. С ветром, с воем на луну, с запахом на звериных тропах разнеслась весть: идет Та, кого выбрал Ура-Ал. Человеческая самка, чье сердце не знает страха и чей дух созвучен камням. И закон был прост, как сама жизнь: тот, кто тронет ее или того, кто идет к ней с миром — пойдет против самой Горы.

Ульф почувствовал это первым. Он привычно сжал топориче, заметив, как внизу, в густых зарослях папоротника у границы леса, мелькнули тени. Там были другие волки — местные, рыжевато-серые, с широкими лапами. Они не прятались для броска, они просто смотрели. Саргат коротко, гортанно рыкнул, и те тени внизу мгновенно исчезли, склонив головы в знак покорности. Серая стая передавала свой груз под присмотр тех, кто жил здесь.

Но Ульф не сводил глаз с Саргата. Уставший, от долгого пути, вожак подошел к самому краю ледника. Он казался огромным на фоне синего неба, его шкура, некогда чистая, теперь была покрыта шрамами и следами тяжелого перехода.

Ингрид опустилась на колени прямо на границе снега и теплой земли. Ноги ее дрожали, но она не замечала этого. Она протянула руку, и Саргат, вопреки своей дикой природе, сделал шаг навстречу. Он не вилял хвостом, не скулил. Он просто подошел и положил свою тяжелую, холодную голову ей на плечо.

Ингрид зарылась пальцами в его жесткую, пахнущую морозом и старой кровью шерсть. Она прижалась лбом к его лбу, и слезы, горячие и горькие, закапали прямо на серую морду волка.

— Ты уходишь... — прошептала она, и голос ее дрогнул. — Ты не можешь там дышать, да? Там слишком жарко для тебя, мой брат.

Саргат шумно выдохнул, обдав ее лицо запахом дикого зверя и свежего снега. Он лизнул ее в щеку — один-единственный раз, коротко и шершаво, будто запечатывая какое-то тайное обещание. В его желтом глазу Ингрид увидела отражение самой себя — маленькой, изможденной, но выжившей.

Она знала: он не пойдет в долину. Ему нужны были метели, ему нужен был хруст льда под лапами и бесконечный бег по замерзшим озерам. Его дело было сделано. Он вырвал ее из лап смерти в лесу, он пронес ее через гнев Ура-Ала, и теперь он оставлял ее в новом доме.

Ульф подошел сзади, и посмотрел на волка, который за это время стал ему дороже многих людей, и просто коротко кивнул. Саргат ответил ему пристальным, тяжелым взглядом. В этом молчании было все: и уважение воина к воину, и память о разделенном мясе у костра, и общая боль.

— Иди, — тихо сказала Ингрид, отстраняясь. — Беги, Саргат. Пусть твой путь всегда будет по чистому снегу.

Волк еще мгновение стоял неподвижно, глядя на нее так, будто хотел запомнить каждую черточку ее лица. Затем он резко развернулся. Без лишних звуков, без оглядки он прыгнул назад, на ледяной уступ. Серая стая, словно по невидимому сигналу, сорвалась с места вслед за ним.

Ингрид стояла, не вытирая слез, и смотрела, как они уходят. Они двигались легко и стремительно, сливаясь с белизной склонов. Серая, выделяющаяся светлым оттенком, шкура Саргата мелькала впереди, становясь все меньше и меньше. Он скрылся последним — маленькой, едва заметной тенью на фоне далекого пика.

Тишина сомкнулась за ними. Только теплый ветер из Ян-Ура продолжал шелестеть в волосах Ингрид, напоминая о том, что теперь они остались одни.

Ульф подошел к ней и осторожно взял за руку. Его ладонь была горячее, и это тепло казалось сейчас чем-то невероятным, почти пугающим после лютой зимы.

— Пойдем, — тихо сказал он. — Нам нужно спуститься до темноты. Там, внизу, волки нас не тронут. Я видел, как Саргат говорил с ними.

Ингрид кивнула, в последний раз взглянув на пустой горизонт, где только что исчез ее необычный защитник. Она знала, что Саргат больше не вернется, но она также чувствовала, что часть его силы навсегда осталась в ее сердце.

Они начали спуск. С каждым шагом снега под ногами становилось все меньше, а запах живой земли — все сильнее. Они еще не знали, что за ними из зелени наблюдают десятки внимательных глаз, и что новый закон Гор уже вступил в силу. Они просто шли навстречу своему первому вечеру в Ян-Ура.

Спуск был долгим, но они не торопились. Ноги, привыкшие к жесткому, предательскому льду и острому камню, теперь ступали неуверенно. Каждый раз, когда подошва погружалась в мягкую, податливую почву, Ульф вздрагивал, инстинктивно ожидая, что под тонким слоем скрыта пустота или ледяная вода. Но земля под ними была твердой и надежной. Она была теплой.

Они шли медленно, почти крадучись, словно боялись своим дыханием или скрипом гальки спугнуть это видение. Страх все еще сидел глубоко внутри — тот самый старый страх изгнанника, который знает, что за каждое доброе мгновение жизнь потребует двойную плату. Они не верили, что все это — зелень, тепло, живая вода — может быть отдано им просто так, без боя и крови.

Когда они миновали последние пятна талого снега, воздух вокруг стал густым, тяжелым от запахов. Ингрид остановилась. Прямо у ее ног начинался ковер из высокой, сочной травы. Она была такой яркой, что казалась нарисованной на сером фоне скал.

Ингрид медленно, будто боясь обжечься, опустилась на колени. Она протянула руку и коснулась пальцами узких зеленых стеблей. Они были мягкими, прохладными и живыми. Она провела ладонью по этой густой поросли, чувствуя, как травинки щекочат кожу, и из груди ее вырвался короткий, прерывистый вздох. Слезы, которые она не вытирала, капали прямо на землю, исчезая в зелени. Она сорвала один стебель, растерла его между пальцами и поднесла к лицу, жадно вдыхая резкий, горьковато-свежий аромат сока.

— Ульф... — позвала она шепотом. — Она... она настоящая. Она пахнет летом.

Ульф стоял рядом, опершись на топорнице. Его взгляд метался по сторонам, он все еще искал засаду, искал зверя или врага, но видел только пейзаж Ура-Ала. Он видел, как над травой дрожит теплый воздух, как в долине, качаются кроны деревьев, которые он никогда раньше не встречал.

Они двинулись дальше, и вскоре вышли к первой роще. Это были огромные деревья с гладкой, сероватой корой и раскидистыми ветвями. Ингрид подошла к самому высокому дереву. Она не стала его осматривать, а просто прижалась к нему всем телом, обхватив руками широкий ствол. Она прислонилась щекой к коре. Дерево не было ледяным, как те мертвые коряги, что они жгли на перевалах. Оно было прогрето солнцем и дыханием горы, оно пульсировало какой-то скрытой, медленной силой. Ингрид закрыла глаза, слушая, как где-то глубоко под корой движутся соки.

— Оно греет, Ульф, — прошептала она, не открывая глаз. — Слышишь? Оно живое.

И в этот момент сверху, из густой листвы, раздался звук, от которого они оба вздрогнули. Это была птица. Маленькая, юркая тень метнулась между ветвей, рассыпая короткую, звонкую трель. А за ней отозвалась другая, третья. Лес наполнился щебетом, свистом и суетой. После мертвой тишины ледников, где единственным звуком был стон ветра и треск лопающихся скал, это многоголосье казалось громом.

Ульф опустил топор. Его рука, вечно сжатая в кулак, наконец расслабилась. Он посмотрел на Ингрид, которая всё еще стояла, обнимая дерево, и вдруг понял: Гора не просто пустила их. Она отдала им этот оазис как дар. Весь этот щебет, вся эта трава и тепло — это было их вознаграждением за то, что они не сломались, за то, что не бросили друг друга в снегах.

Благоговение перед этой тихой мощью Ян-Ура было сильнее любого страха. Им казалось, что они ступили в священное место, где каждый их шаг должен быть легким и почтительным.

— Мы не можем здесь просто охотиться, как там в лесу, Ингрид, — глухо сказал Ульф, глядя на чистое озеро вдали. — Здесь все по-другому. Будто мы... в гостях у кого-то великого.

Ингрид отстранилась от дерева и посмотрела на свои руки. На пальцах осталась зеленая пыльца и капля древесной смолы. Она улыбнулась — впервые так открыто и ясно за все время их пути.

— Мы дома, Ульф. Горы не просят нас быть гостями. Они просят нас стать частью этого дыхания.

Они пошли дальше, вниз, к озеру, и трава за их спинами медленно выпрямлялась, скрывая следы их изорванных унтов. Ян-Ура принимало их, впитывая их усталость и боль в свою теплую, влажную землю. Они шли навстречу своей первой ночи под деревьями, не зная, что за ними по-прежнему следят тысячи глаз — волки, птицы и сама Гора, — но теперь в этом взгляде не было угрозы. Было только ожидание.

Глава 2

Солнце медленно скатывалось за зубчатые пики хребта, и над долиной разлились густые, сиреневые сумерки. Белый столб пара над дымящейся горой окрасился в нежно-розовый, а потом стал багровым, словно в небесах зажегся огромный факел.

Ульф выбрал место для ночлега в небольшой низине, укрытой со стороны склона густыми зарослями широколистных кустов. Здесь трава была особенно высокой и мягкой. Он привычно расчистил небольшой круг от сухих стеблей, но поймал себя на том, что делает это без прежней опаски. Здесь не нужно было выкапывать яму в снегу, не нужно было строить стену из ледяных глыб, чтобы укрыться от пронизывающего ветра. Ветер в Ян-Ура был ласковым, он приносил с собой запах сырой хвои и теплую влагу горячих ключей.

— Посиди, — негромко сказал Ульф, указывая Ингрид на поваленный ствол дерева, обросший мягким, бархатистым мхом. — Я разведу огонь.

Он достал свой трут. Ему не пришлось закрывать искру полой плаща или прикрывать ее ладонями от яростных порывов стужи. Сухая трава и мелкие ветки вспыхнули почти мгновенно. Пламя поднялось ровно и весело, отбрасывая длинные дрожащие тени на густую зелень.

Ингрид сидела, вытянув уставшую ногу, и смотрела на огонь. Нога больше не ныла той тупой, ледяной болью, что преследовала ее на ледниках. Тепло, поднимающееся от самой земли, пропитывало кости, заставляя мышцы наконец-то расслабиться.

— Слышишь? — прошептала она, подняв голову.

Ульф замер, прислушиваясь. После мертвой, звенящей тишины ледников звуки Ян-Ура казались им оглушительными. Где-то в траве надрывно и часто застрекотали невидимые насекомые — их стрекот наполнял воздух ровным, вибрирующим гулом. Из лесной чащи донеслось уханье ночной птицы, а над головой, бесшумно рассекая сумерки, пронеслась быстрая тень. Листья деревьев переговаривались друг с другом, шурша под легкими вздохами ветра.

— Слишком шумно, — буркнул Ульф, хотя в его голосе не было раздражения. — Будто весь мир сразу заговорил. Отвык я. Кажется, что за каждым кустом кто-то сидит.

— Это жизнь, Ульф, — Ингрид слабо улыбнулась. — Она просто радуется, что мы ее слышим. Гора поет нам свою песню, чтобы мы не чувствовали себя чужими.

Они сидели у костра, деля на двоих остатки сушеного мяса, которые нашли в суме из козьей кожи. Но теперь еда была другой. Рядом, в тени кустов, Ингрид нашла гроздь мелких, темных ягод, пахнущих терпкой сладостью. Каждая ягода взрывалась на языке кислым соком, и этот вкус казался им ценнее самого дорогого меха.

— Помнишь ту ночь у шамана? — тихо спросил Ульф, глядя на пляшущие языки пламени. — Когда мы только пришли к нему, все в инее, едва живые. Мне тогда казалось, что та пещера — последнее теплое место на свете. Что дальше только лед и конец пути.

Ингрид кивнула, прислонившись плечом к его руке.

— Я думала о старике, пока мы шли по последнему леднику. О том, как он там один. Ульф... как ты думаешь, он нашел тот рисунок? На стене, за камнями?

Ульф повернул угли палкой. Снопы искр взлетели вверх, смешиваясь с первыми звездами.

— Нашел. Такие, как он, видят все. Он, небось, ворчал полдня, что ты ему стену сажей испачкала, а сам... сам, думаю, глаз не сводил с этого костра. Он ведь до последнего верил, что мы пройдем. А я сам, Ингрид, если честно, уже не надеялся. Когда Саргат вывел нас на тот выступ над пропастью... у меня сердце в пятки ушло. Не за себя — за тебя боялся.

— Ты обещал быть рядом, — она посмотрела ему в глаза, и в отсветах огня он увидел в них ту самую глубокую, спокойную силу. — И ты был. Саргат вел наши ноги, а ты вел мою душу, Ульф. Без тебя я бы просто легла в снег и уснула еще в начале.

Охотник ничего не ответил, лишь крепче сжал ее ладонь своей огромной, мозолистой рукой. Ему все еще было непривычно сидеть вот так — не ожидая нападения, не прислушиваясь к скрипу наста под ногами врага.

— Странно это все, — наконец выдохнул он. — Земля теплая, трава под боком. Костер горит, и не надо дрова по щепочке экономить. Я все жду, что сейчас проснусь, и вокруг снова будет синий сумрак и метель.

— Не проснешься, — Ингрид закрыла глаза, вдыхая густой ночной воздух. — Мы дома, Ульф. Горы выдохнули нас сюда, как искру из очага. Послушай, как птицы затихают... они укладываются спать. И нам пора.

Ночные звуки потихоньку менялись. Стрекот в траве стал тише, гул Ян-Ура казался теперь ровным, убаюкивающим рокотом далекого моря. Ульф подбросил в огонь пару толстых сучьев — не для тепла, а просто чтобы свет не гас. Он лег на мягкую землю, подложив под голову свернутый плащ, и впервые за многие луны его рука не сжимала рукоять топора до белизны в костях.

Над Ян-Ура раскинулось бездонное черное небо, усыпанное звездами, которые здесь, в тепле, казались живыми и близкими. И в этой благословенной тишине, нарушаемой лишь шепотом листьев, два изгнанника наконец-то погрузились в сон — глубокий, спокойный и лишенный страха.

Утро на новом месте не принесло холода. Оно началось с мягкого, солнечного света, который просочился сквозь листву и коснулся лиц спящих. Ульф открыл глаза и не вздрогнул, не потянулся за топором. Он просто лежал, слушая, как где-то совсем рядом заливается незнакомая птица, и чувствовал, что его плащ, обычно под утро встающий колом от инея, сейчас сухой и мягкий.

После нехитрого завтрака из ягод и остатков мяса они двинулись вглубь долины, забирая ближе к подножию дымящейся горы. Ульф искал надежное место. Лес и трава были прекрасны, но старая привычка воина требовала камня над головой. Ему нужны были стены, которые не прокусит зверь и не пробьет случайная стрела.

Склоны горы здесь были изрезаны глубокими складками и темными провалами. Они обходили массивный выступ, заросший густым ярко-зеленым мхом, когда Ингрид остановилась, потянув носом воздух.

— Ульф, гляди... там пар.

Из узкой расщелины в скале, прикрытой свисающими плетями каких-то вьющихся растений, выплывало едва заметное белесое облачко. Оно не пахло гарью, от него веяло чистым, влажным теплом.

Ульф первым шагнул в проход, раздвинув стебли топорищем. За расщелиной открылся просторный грот. Своды его уходили высоко вверх, теряясь в полумраке, но камень под ногами был ровным и чистым. Здесь было сухо и тихо, а воздух казался живым. Но Ингрид не осталась в первом зале. Она шла на звук — тихий, мерный плеск, доносившийся из глубины. Там, за невысоким каменным перекатом, открывался второй грот, поменьше.

Когда Ульф вошел вслед за ней, он невольно замер. Посреди пещеры лежало озеро. Оно было небольшим, в форме неровной чаши, выточенной в камне. Вода в нем была такой прозрачной, что на дне был виден каждый изгиб породы. Но главное — над поверхностью дрожало легкое марево. Тонкий, прозрачный пар лениво поднимался вверх, окутывая своды мягкой влажной дымкой.

Ингрид подошла к самому краю и опустила на колени. Она медленно протянула руку и погрузила пальцы в воду. Глаза ее расширились.

— Она... она живая, Ульф. Она горячая.

Охотник подошел ближе. Он осторожно опустил ладонь в озеро. Вода не обжигала, она обволакивала кожу ласковым теплом, пробираясь до самых суставов, вытягивая из них старую

ледяную лому. Воздух в пещере был удивительно легким. В нем не было едкого запаха, какой бывает у гиблой воды на болотах. Пахло мокрым камнем и чистотой. Этим паром хотелось дышать, он словно промывал легкие, забитые за долгую зиму копотью костров.

Ульф выпрямился, глядя на то, как капли воды стекают с его загорбевших пальцев. В памяти мгновенно ожила та самая пещера шамана. Он ясно увидел, как ослепительный столб света — Глаз Горы в самом зените — прорезает полумрак, ударяя в горячую воду, и как в этом столбе света пляшут мириады водяных искр и пара.

Он вспомнил лицо Ингрид в том сиянии. Тогда, разомлев от тепла, после очищения и выйдя в большой грот, тихо, почти с надеждой, произнесла: «Уль, когда найдем свою пещеру, я тоже хочу такую Потницу».

Тогда это казалось несбыточной мечтой, брошенной в лицо ледяному ветру. И вот теперь та самая вода плескалась у его ног. Здесь тоже были узкие трещины в сводах, и Ульф уже видел, как скоро, когда солнце поднимется в самую высь, его лучи точно так же прошьют этот пар, превращая пещеру в чудесный сон.

— Вот тебе и Потница, Ингрид, — негромко сказал он, и в его голосе прозвучало ошеломленное облегчение. — Как ты и просила тогда, когда Глаз Горы смотрел на нас у старика. Только здесь все наше. И камни калить не надо — Гора сама воду греет, без устали.

Ингрид подняла на него глаза, и в них отразился тот же свет памяти.

— Ты помнишь... — прошептала она. — Ты запомнил каждое слово.

— Такое не забывают, — просто ответил он, оглядывая своды. — Гора не просто дала нам кров, Ингрид. Она дала нам свое сердце. Слышишь, как она гудит глубоко под нами? Она греет эту воду, чтобы мы больше никогда не знали холода. Чтобы мы отмылись от всего, что с нами было там... за хребтами.

Ульф уже прикидывал, где поставит стену из камней, чтобы закрыть вход, где устроит место для сна. Но сейчас все это казалось вторичным. Главным была эта вода и это тепло, которое больше не нужно было добывать ценой огромных усилий.

— Мы здесь и останемся, — твердо сказал он. — Это наш дом.

Они стояли у кромки горячего озера, два маленьких человека в недрах великой горы, и мягкий пар Ян-Ура бережно обнимал их, принимая под свою вечную защиту.

Глава 3

Утро в Ян-Ура дышало зеленью и влагой. Ульф вышел из пещеры, когда туман еще лениво ползал по низинам, цепляясь за стебли высокой травы. Он чувствовал себя странно — тело, привыкшее к вечной скованности и борьбе с холодом, теперь казалось непривычно легким. В руках он держал лук Ингрид. Своего лука у него не было, а топор здесь, среди густой зелени, казался слишком грубым и шумным. Он шел бесшумно, ставя ногу на мягкий мох и приминая сочные стебли. Охотничий инстинкт, отточенный годами голода в горах и снегах, вел его безошибочно. Ему не нужно было искать следы на обледенелых камнях — здесь сама природа подсказывала путь. Запах зверя был густым и ясным, он не выветривался ледяным дыханием Ура-Ала, а застаивался в теплом воздухе долины. Ульф замер за широким стволом дерева с гладкой, серой корой. Прямо перед ним, на небольшой поляне, залитой первым солнцем, стоял горный олень. Это был мощный самец с короткими, крепкими рогами. Он стоял к Ульфу боком, низко опустив голову к траве. Охотник медленно, почти не дыша, поднял лук. Пальцы уверенно легли на тетиву, чувствуя ее натяжение. Ингрид берегла этот лук, он был легким, послушным, сделанным из гибкого тиса, который не лопался на морозе. Ульф прицелился, намечая точку под лопаткой. Один спуск — и у них будет свежее мясо, мягкая печень и теплая шкура.

Но зверь не убежал. Олень медленно поднял голову и повернулся к Ульфу. В его больших, влажных глазах не было того дикого, смертного ужаса, к которому привык охотник. Зверь не прядал ушами, не подбирал ноги для рывка в чашу. Он просто смотрел на человека — спокойно, с каким-то странным, почти доверчивым любопытством. В этом мире, защищенном дыханием Горы, страх смерти еще не успел пропитать землю. Ульф почувствовал, как тетива начинает резать пальцы. Он видел каждый волосок на шее зверя, видел, как мерно вздымаются его бока. Расстояние было плевым — промахнуться было невозможно. И в этот момент в его ушах, заглушая стрекот насекомых и шелест листы, отчетливо прозвучал голос Ингрид. Тот самый голос во время их пути к шаману, тихий и твердый:

«Ты лучший охотник, но ты не палач...»

Пальцы Ульфа дрогнули. Он вдруг осознал, что если сейчас отпустит стрелу, то сделает нечто непоправимое. Убить этого зверя здесь, в этом покое, значило не добыть еду, а совершить предательство. Это было бы так же подло, как ударить ребенка или спящего товарища. Олень стоял неподвижно, подставив бок под смертельный удар, и в этой его беззащитности была сила, перед которой топор и стрела становились ничем. Ульф медленно, дюйм за дюймом, начал ослаблять натяжение тетивы. Лук Ингрид вернулся в покой, не издав ни единого скрипа.

— Уходи, — прохрипел Ульф, и его голос показался ему самому слишком громким для этой тишины. — Беги отсюда.

Зверь вздрогнул, качнул рогами и, все еще не торопясь, легким, пружинистым прыжком скрылся в зарослях папоротника. Ульф опустил лук и прислонился спиной к дереву. По лбу его катился пот, хотя в тени было прохладно. Он посмотрел на свои руки — широкие, мозолистые, созданные для того, чтобы забирать жизнь ради выживания. Здесь, в Ян-Ура, эти руки чувствовали себя лишними. Он огляделся вокруг. Оазис был прекрасен, но он был слишком мал для того, чтобы стать полем битвы. Если он начнет охотиться здесь, вскоре тишина Ян-Ура наполнится запахом страха, и доверчивые глаза зверей станут такими же, как там, за хребтами.

— Нет, — твердо сказал он самому себе. — Здесь нельзя.

Он повернулся и зашагал обратно к пещере, но не к теплу очага, а к той невидимой границе, где над перевалом клубились вечные туманы. Там, за каменными стенами долины, начинался другой мир. Честный мир льда и ветра, где зверь был хитер, а человек — лишь одним из многих хищников. Там охота была борьбой, там жизнь оплачивалась силой и мастерством.

Ульф решил для себя: он будет уходить туда. Пусть его ноги снова будут мерзнуть, пусть ветер будет сечь лицо, но он принесет добычу из холодного края, сохранив покой в этом маленьком раю, который Горы подарили Ингрид. Он не станет палачом в ее саду. Он станет его стражем, добывающим пропитание там, где смерть не выглядит как предательство.

Когда Ульф ушел, в пещере стало непривычно тихо. Ингрид еще долго стояла у входа, прислонившись к холодному камню и глядя на далекие, затянутые вечным туманом хребты, за которыми скрылся ее охотник. Она знала, что он пошел на разведку ради нее, ради этого покоя, и от этой мысли в груди разливалось странное чувство — смесь гордости и тихой тревоги. Но долго стоять без дела она не умела. Ян-Ура приняло их, но Гора не любила ленивых рук. Первым делом Ингрид занялась жильем. Для жителя Ура-Ала уют заключался прежде всего в чистоте камня и порядке в скудных запасах. Она нашла в лесу неподалеку густой кустарник с жесткими, упругими ветвями, собрала их в пучок, и связав их полоской сыромятной кожи. Она тщательно вымела пол в первом, жилом гроте, выметая наружу мелкую гальку, сухие листья и вековую пыль. Теперь каменный пол стал гладким и чистым под ее ногами.

Потом она принялась за лежанку. Они не могли вечно спать на голых камнях, укрываясь одной шкурой. Ингрид отправилась к склону, где рос густой, тяжелый от влаги мох. Она срезала его большими пластами, стараясь не повредить корни, и переносила в пещеру, раскладывая на сухих участках пола, чтобы он немного подсох. Сверху она натаскала охапки длинной, пахучей травы, которую солнце успело высушить на открытых полянках. Когда все это было уложено в углу, подальше от сквозняка, но поближе к теплу, исходящему от внутреннего озера, место для сна стало казаться почти царским.

— Вот увидишь, Ульф, — прошептала она, разглаживая траву ладонью, — здесь кости больше не будут ныть к утру.

Закончив с лежанкой, она занялась очагом. Ульф уже выбрал место, где в своде пещеры была узкая, уходящая вверх трещина — естественная тяга для дыма от костра. Ингрид натаскала тяжелых плоских камней от ручья и выложила из них аккуратное кольцо. Она делала это медленно, бережно, будто закладывала сердце их нового дома. Внутри кольца она расчистила место под сухую растопку. Теперь, когда Ульф вернется с добычей, огонь будет ждать его. Уже к полудню она решила уйти чуть дальше от пещеры. Ей нужно было знать, чем дышит этот мир, что он может дать им, кроме тепла и воды. Ингрид шла вдоль скал, внимательно глядя под ноги. Здесь, в оазисе, все было иначе. Она находила растения, которых никогда не видела в их лесах. Вот широкие, мясистые листья, в которые можно заворачивать мясо, чтобы оно дольше не портилось. А вот — длинные, гибкие стебли вьющейся лозы; если их высушить и переплести, получатся отличные веревки.

Она нашла заросли дикого лука — его стрелки были сочными и едкими, именно то, что нужно после долгой зимы, чтобы прогнать слабость из тела. Она бережно выкапывала корешки, очищая их от земли и складывая в подол меховой накидки. В одном месте она наткнулась на поваленное дерево, густо обросшее грибами-трутовиками. Ингрид знала: если их правильно высушить, они станут лучшим трютом для огнива. Каждый час она возвращалась к выходу из долины и смотрела на перевал. Туман там не рассеивался, он стоял серой стеной, отделяя их рай от жестокого мира холода. Она представляла, как Ульф сейчас пробивается сквозь наст, как ветер сечет его лицо, и сердце ее сжималось. Она привыкла быть рядом, привыкла делить с ним тяжесть волокуш, а здесь ей оставалось только ждать.

Чтобы унять тревогу, она занялась водой. В стороне от горячего озера она нашла удобный плоский уступ. Она отмыла его от серого налета, превратив в подобие стола. Теперь здесь можно было разделять дичь или раскладывать собранные травы. Она зачерпнула воду ладонью — теплая, пахнущая чистым камнем. Ингрид закрыла глаза. Гора дышала под ней, она чувствовала эту медленную, могучую силу, будто Гора ворочалась и утробно вздыхала. Это

было не просто убежище, это было живое существо, которое позволило им поселиться в складках своего тела.

Солнце начало клониться к западу, окрашивая кроны деревьев в густой багрянец. Ингрид вернулась в пещеру и сложила свои находки у входа. Корни лука, пучки ароматных трав, сухой мох для растопки — все было на своих местах. Она оглядела их новое жилище. Оно еще пахло пылью и старым камнем, но в нем уже появилось что-то человеческое. Упорядоченность. Забота. Она снова вышла наружу и села на поваленный ствол у входа. Тень от скал начала медленно ползти по долине. В лесу запели вечерние птицы, их голоса переплетались в сложный, красивый узор, который Ингрид все еще училась понимать. Она сложила руки на коленях и замерла, вглядываясь в серую полосу тумана на горизонте.

— Возвращайся, мой охотник, — тихо просила она, обращаясь не то к ветру, не то к самой Горе. — Огонь готов, и трава сохнет. Возвращайся домой.

Каждый шорох в лесу, каждый хруст ветки заставлял ее вздрагивать и подаваться вперед. Она знала, что Ульф силен, что он лучший в племени, но Горы были коварны. Она ждала не просто мяса и шкур — она ждала его самого, ту часть своего мира, без которой эта зелень и эта теплая вода не имели для нее никакого смысла. Она смотрела на тропу, и ее глаза, привыкшие различать малейшее движение в снежной мгле, теперь жадно искали среди яркой зелени Ян-Ура знакомый силуэт широкоплечего человека с тяжелым топором за поясом. Солнце уже коснулось зубчатых вершин хребта, отбрасывая длинные тени на долину, когда Ингрид, как и прежде, сидела у входа в пещеру. За день она успела собрать дикого лука, натаскать охапки мягкой травы для будущего ложа и даже найти несколько гладких, плоских камней, которые могли бы служить столом у горячего озера. Но мысли ее были далеко, за серой завесой тумана на горизонте. Каждый шорох заставлял ее вздрагивать, каждый вздох ветра казался голосом, зовущим ее имя.

И вот, когда небо стало наливаться густыми сиреневыми и багровыми тонами, она увидела его. Сначала это было лишь темное пятно у самого края туманной границы, между резкими силуэтами скал. Потом пятно выросло, обрело форму, и Ингрид поднялась на ноги, чувствуя, как сердце стучит в груди. Это был Ульф. Он шел медленно, тяжело ступая, его широкие плечи казались еще массивнее под ношей. Он нес не только свое снаряжение. Через плечо у него был перекинут молодой олененок. Не огромный самец, которого она видела утром, а зверь поменьше, но его короткие, плотные ноги свисали безжизненно, а шкура была густой, с жестким, плотным подшерстком. Снег, налипший на шкуру олененка и на поношенные меха Ульфа, искрился в последних лучах солнца. Это был мех зверя из самого сердца холода. Ингрид вышла навстречу. Она не бежала, ее хромота все еще напоминала о себе, но каждый шаг был полон нетерпения и облегчения. Ульф заметил ее. На его лице, изможденном и слегка обветренном, промелькнула тень усталости, но глаза горели темным, спокойным огнем. Он остановился, когда между ними осталось всего несколько шагов, и сбросил ношу на землю. Олененок глухо упал на траву, пахнущую теплом долины. От Ульфа тянуло сырым холодом, снегом и запахом далекого мороза.

— Вернулся, — тихо сказала Ингрид, и в ее голосе звенела невысказанная радость.

— Вернулся, — повторил Ульф. Он потер ладонью замерзшее лицо. — Устал. Долго шел. Он опустил взгляд на землю, на тушу олененка.

— Это не отсюда, Ингрид, — его голос был низким и серьезным. — Я ходил туда, за Гору. За перевал. В те места, где ветер не молчит.

Ингрид кивнула, но ничего не сказала. Она не спрашивала, зачем он ходил так далеко, зачем снова мерз и боролся со снегом, когда здесь, в долине, водилось столько дичи. Она ждала.

— Здесь... здесь нельзя. Я видел утром. Олень смотрел на меня. Не бежал. Не боялся. Как ты смотришь. Как будто знал. Если я буду охотиться здесь, весь Ян-Ура изменится. Звери научатся бояться, как там, за хребтами. Это место... оно не для крови.

Его взгляд встретился с ее взглядом. В глазах Ингрид не было удивления, только глубокое, безмолвное понимание. Она уже знала. Он прошел тот же путь, что и она, только внутри себя.

— Там, за Горой, — продолжил Ульф, — там все честно. Там зверь борется за жизнь, а человек борется за добычу. Там нет предательства. И шкура у них теплее. Для лежанки будет хорошо. И вход закроем.

Он посмотрел на нее, ожидая слов, но Ингрид лишь медленно шагнула к нему. Она положила свои ладони на его широкие плечи, чувствуя сквозь толстую, пахнущую морозом шкуру тепло его тела. Он весь был пропитан холодом, но внутри него горел огонь, который она знала. Медленно, с той же тихой грацией, она склонила голову и коснулась своим лбом его плеча, прижимаясь к его одежде. Запах снега, дикого зверя и морозного воздуха смешивался с его собственным, родным запахом, и для Ингрид это было красноречивее любых слов. Она не сказала ничего. Но этот жест, это прикосновение лица к его одежде, был ее ответом. Это было молчаливое, глубокое согласие. Одобрение того пути, который он выбрал. Пути, который был тяжелее, но единственно верным для сохранения чистоты их нового дома.

Ульф поднял голову. Он чувствовал ее тепло сквозь холод своих одежд, чувствовал ее доверие. И усталость, накопленная за долгий переход и сложную охоту, отступила перед этим тихим, невысказанным согласием. Он больше не был один в своем решении.

— Тогда пойдем, — сказал он, наклоняясь.

Он поднял олененка и направился к входу в пещеру. Ингрид шла рядом, касаясь его руки. Они несли добычу, полученную ценой усилия и верности, в свой новый дом, в самое сердце Ян-Ура, где их ждало тепло и чистота горячего озера.

Глава 4

Тридцать раз солнце гасло за хребтами, уходя в ледяную пустоту Ура-Ала, и тридцать раз оно возвращалось, чтобы согреть камни Ян-Ура, с тех пор как Ульф и Ингрид нашли свой приют. Это время пролетело для охотника незаметно, словно короткий вдох перед долгим путем. Дни были наполнены трудом, но этот труд больше не пах отчаянием и смертью.

Ульф шел по тропе, проложенной ими сквозь густые заросли папоротника. За этот месяц они исходили оазис вдоль и поперек. Он помнил, как в первые декады они вместе, шаг за шагом, обследовали каждый отнорок скал и каждую низину. Ингрид радовалась, натываясь на заросли дикой ягоды — мелкой, темной, лопающейся на языке сладким, терпким соком. Она показывала ему корешки, которые, если их очистить от земли и слегка подвялить на теплых камнях, становились сытными и пахли весенней землей. Ульф же метил тропы, сбивая топором кору с деревьев, чтобы Ингрид всегда знала дорогу домой, и высматривал места, где Гора выдыхала особенно много пара — там земля всегда была самой мягкой и теплой.

Сегодня его ноша была необычной. На плечах, прижав мощную шею Ульфа теплой шерстью, лежала молодая горная козочка. Зверь был совсем крохотным, с мягкой серой шерстью и большими, влажными глазами, в которых застыло недоумение. Ульф нашел ее высоко в «Серой зоне», когда выслеживал стадо. Малышка застряла в расщелине, жалобно призывая мать, но стадо уже ушло, подгоняемое ледяным ветром.

В прежней жизни Ульф, не задумываясь, перерезал бы ей горло — дополнительный кусок мяса никогда не бывал лишним. Но сейчас, глядя на дрожащее существо, вспомнил Ингрид. Он помнил, как она бережно относится к каждой травинке в их оазисе, как она лечит раненых птиц, принося их к пещере. Ему захотелось принести ей не смерть, а жизнь. Он представил, как в Ян-Ура, где всегда в достатке сочной травы и чистой воды, эта козочка вырастет, и у Ингрид всегда будет теплое молоко, а им не придется каждый раз рисковать, уходя за перевал ради куска жира.

Тяжелое тело зверя грело спину, а мерный стук сердца козочки странным образом успокаивал охотника. Ульф чувствовал себя сильным. Оазис принял их, наполнил их тела силой, которой они никогда не знали в лесах своего племени. Здесь воздух пах не гарью и гнилью, а свежестью, мокрой листвой и каким-то особенным медовым ароматом, который давали мелкие желтые цветы, усыпавшие берега ручья. Солнце стояло высоко, пробиваясь сквозь кроны исполинских деревьев ровными столбами. В них плясали мириады искр — водяная пыль от далеких водопадов, превращенная светом в драгоценную крошку. Птицы заливались наперебой, их голоса сплетались в сложный узор, который больше не казался Ульфу чужим. Это была песня его дома.

Он миновал поваленный ствол дерева, который служил им мостиком через узкую протоку, и вышел на поляну перед их пещерой. Грот в скале смотрел на него привычным темным зевом, прикрытым тяжелыми шкурами, которые он уже успел надежно закрепить над входом. У очага, выложенного Ингрид из плоских камней, лежали заготовленные дрова — сухой валежник, принесенный им вчера. Ульф остановился у старого дерева с изогнутым, узловатым стволом. Он осторожно опустил козочку на землю, придерживая ее за живот. Животное, почувствовав под копытцами мягкую, сочную траву, перестал дрожать и жадно приняло к зелени.

— Ну вот, глупая, пришли, — негромко сказал Ульф, развязывая ремни на ногах козочки. — Ешь. Тут тебя никто не обидит. Тут тепло.

Он быстро и ловко обвязал полоску сыромятной кожи вокруг крепкого корня, сделав свободную петлю на шее зверя. Козочка даже не подняла головы, увлеченная сладким стеблем, который никогда не рос на холодных скалах Ура-Ала. Ульф выпрямился, отирая пот со лба. Он чувствовал приятную усталость в мышцах и радостное предвкушение в груди. Он уже видел,

как Ингрид выйдет сейчас навстречу, как она всплеснет руками, увидев его подарок, и как её глаза станут такими же теплыми, как вода в их пещере.

— Ингрид! — громко позвал он, направляясь к пещере. — Ингрид, выходи! Смотри, что я принес!

Он откинул тяжелую шкуру и шагнул в прохладную глубину грота, шурясь после яркого солнечного света. Его голос еще эхом отдавался от каменных сводов, смешиваясь с мерным капаньем воды где-то в глубине. Ульф улыбался, ожидая услышать ее легкие шаги и тихий, приветливый голос. В глубине грота было тихо. Слишком тихо. Обычно тишина Ян-Ура была наполнена жизнью: мерным плеском горячего озера, сухим шуршанием трав, которые Ингрид раскладывала на камнях, или ее негромким напевом. Сейчас же тишина была тяжелой, словно осевшая пыль в заброшенном склепе.

— Ингрид? — Ульф замер, вглядываясь в полумрак.

Глаза постепенно привыкли к тени. Очаг, их сердце, их защита, зарос серой холодной золой. В Ян-Ура не нужно было поддерживать огонь ради тепла, но Ингрид всегда берегла угли, чтобы в любой миг заварить пахучий отвар или опалить мясо. То, что огонь умер, кольнуло Ульфа под ребра острым холодком. Он подошел к их ложу. Шкуры были аккуратно расправлены, мох еще хранил запах ее тела, но Ингрид здесь не было. На плоском камне, который служил им столом, лежал ее костяной нож. Она никогда не уходила без него. Даже к ручью, даже за парой шагов от пещеры — нож всегда был у нее за поясом. Это был закон их жизни: рука должна чувствовать рукоять, иначе ты не жилец. Ульф коснулся кости ножа. Холодная.

— Ингрид! — крикнул он уже громче, и в этом крике больше не было радости охотника.

Он выскочил из пещеры. Солнечный свет, еще минуту назад казавшийся ласковым, теперь больно ударил по глазам. Ульф огляделся. Козочка у дерева продолжала жевать траву, равнодушно помахивая хвостом. Ее спокойствие казалось Ульфу издевательством. Он бросился к ягодным кустам, где она обычно проводила утро.

— Ингрид! Ты здесь?

Он продирался сквозь сочные стебли, ломая их, не заботясь о том, что губит урожай. Пусто. Только испуганная птица вспорхнула из-под ног, обдав его веером брызг с листьев. Ульф замер на мгновение, прислушиваясь. Сердце в груди начало биться тяжелыми, неровными ударами, словно кузнечный молот о наковальню. Бум... Бум... Бум... Каждый удар отдавался в висках. Он побежал к ручью. Его ноги, привыкшие к долгим переходам по камням, теперь казались непослушными, словно он бежал сквозь глубокую воду.

— Ингрид! Отзовись!

Он оббежал берег, заглядывая под каждую склоненную иву. Он искал след ее ноги, примятую траву, оброненную ветку. Ничего. Оазис, который они тридцать солнц считали своим домом, вдруг стал чужим и огромным. Зелень казалась слишком густой, скрывающей в себе что-то страшное, а скалы — слишком высокими. Страх, который Ульф гнал от себя, начал перерастать в глухую панику. В Ура-Але человек не исчезает просто так. Если его нет — значит, его забрала Гора. Или зверь. Или другие люди. Ульф припал к земле, вглядываясь в тропу. Никаких чужих следов. Никакой крови. Просто пустота, которая была страшнее любого врага.

Если ее нет, то зачем все это? Зачем это тепло, зачем эта вода, зачем эта козочка, мемекающая у дерева? Без Ингрид Ян-Ура превращался в красивую могилу. Ульф почувствовал, как внутри него что-то обрывается, как холод Серой зоны, который он так долго держал за порогом, начинает просачиваться в самую душу. Он рванул вверх, к высокому каменному уступу. Он лез, не выбирая пути, цепляясь руками за выступы, сдирая кожу на пальцах до крови. Камни крошились под его тяжестью, осыпаясь вниз с сухим шуршанием. Ему нужно было увидеть всё. Сверху Гора не может спрятать человека.

Выбравшись на самый край скалы, Ульф встал в полный рост. Ветер, гуляющий на высоте, ударил ему в лицо, развевая нечесанные волосы. Он окинул взглядом всю долину. Ручей

блестел на солнце, как чешуя змеи. Лес колыбался под ветром. Пещера чернела маленьким пятном. Пусто. Нигде не было ее знакомого силуэта, нигде не мелькнула ее голова. Мир вокруг него начал качаться. Ульфу показалось, что Гора под его ногами задрожала, готовясь рухнуть в бездну. Воздуха в легких стало мало, он хватал его открытым ртом, но не мог надышаться. Его любовь, его единственная нить, связывающая его с жизнью, оборвалась. Одиночество, черное и беспросветное, навалилось на него всей тяжестью небесного свода.

Он задрал голову вверх, к равнодушному синему небу, к солнцу, которое продолжало светить так, будто ничего не случилось. Его лицо исказилось, жилы на шее вздулись, как старые корни. Он набрал в грудь столько воздуха, что ребра едва не треснули, и выплеснул все свое отчаяние, всю свою боль и весь свой ужас в одном-единственном имени, которое было для него всем миром.

— Ингриииииииид!

Крик, полный смертной тоски и ярости, прокатился над долиной, отразился от ледяных пиков и улетел в пустоту, не встретив ответа. Ульф стоял на краю, его плечи мелко дрожали, а в глазах, не знавших слез, застыло отражение конца света.

Глава 5

— Ингриииииииид!

Крик, вырвавшийся из самой глубины легких, ударился о каменный свод пещеры и рассыпался гулким, пугающим эхом. Ульф подскочил на ложе, едва не опрокинув Ингрид, которая уже сидела рядом, испуганно вглядываясь в его искаженное лицо. Его сердце колотилось так, что ребра, казалось, вот-вот треснут. Пот градом катился по лбу, затекая в глаза, а руки, привыкшие сжимать топоры, мелко и мелко дрожали.

— Я здесь! Я здесь, мой глупый великан! — Ингрид крепко обхватила его за плечи, прижимаясь всем телом. — Что ты, Ульф? Что с тобой? Я тут, рядом. Дыши... просто дыши.

Он замер, жадно хватая ртом воздух, пахнувший теплым камнем и сухой травой. Знакомый запах. Запах её волос, кожи, их общего дома. Он медленно повернул голову, глядя на неё дикими, еще не до конца проснувшимися глазами. Светлая фигура Ингрид в полумраке пещеры казалась ему видением из другого мира, но тепло её рук было настоящим.

— Ты... здесь? — прохрипел он, едва узнавая собственный голос.

— Где же мне быть? — она тихонько рассмеялась, хотя в её глазах еще дрожала тревога. — Ты так кричал, что, верно, волки на той стороне перевала проснулись. Страшный сон, да?

Ульф закрыл глаза, с силой проведя ладонями по лицу, словно пытаясь стереть остатки того ледяного ужаса, что еще стоял перед взором. Он все еще видел ту пустую скалу, те безмолвные тропы и чувствовал ту черную дыру в груди, где раньше была его душа.

— Страшный... — буркнул он, скидывая с себя шкуру — Хуже любого боя.

Он поднялся, чувствуя во всем теле странную слабость. Ему нужно было выйти. Нужно было увидеть небо, убедиться, что мир не рассыпался в прах, пока он спал. Ингрид не стала его удерживать. Она лишь накинула на плечи свою меховую накидку и тихо ступала за ним. Снаружи было то самое время, когда ночь уже ушла, а день еще не набрал силу. Первые, тонкие как иглы, лучи солнца только-только коснулись самых высоких пиков Горы, окрашивая их в нежный, почти прозрачный розовый цвет. Долина внизу еще лежала в сизых, густых сумерках, и туман у ручья стоял неподвижно, похожий на застывшее молоко. Воздух был пронзительно чистым и холодным — тем самым утренним холодом, который бодрит лучше любого отвара. Ульф дошел до ручья и опустился на колени. Ледяная вода обожгла лицо, вырывая остатки дремоты. Он зачерпывал воду пригоршнями, пил ее, чувствуя, как холод проникает внутрь, остужая разгоряченную голову. Ингрид остановилась чуть позади, глядя на его широкую спину. Она видела, как ходят желваки под кожей его шеи.

— Ульф, — тихо позвала она. — Ты все еще там, в своем сне? Посмотри, Гора просыпается. Все на месте.

Он выпрямился, отирая воду с бороды. Обернулся к ней. В утреннем свете ее лицо казалось бледным, но спокойным.

— Я видел, как тебя не стало, — глухо сказал он, глядя ей прямо в глаза. — Оазис был полон еды, тепла и света, но в нем не было смысла. Ты исчезла, и все вокруг стало мертвым камнем.

Ингрид подошла ближе, коснулась его мокрой руки.

— Я никуда не уйду, — пообещала она. — Я вчера долго бродила вдоль склонов, пока ты был в Серой зоне. Искала что-нибудь новое... Знаешь, коренья и ягоды — это хорошо, но мне хотелось найти что-то такое, что могло бы сделать нашу еду богаче. Мы ведь теперь не бежим, Ульф. Нам нужно думать о том, как жить дальше, когда придут долгие туманы.

Ульф слушал ее и вдруг его лицо изменилось. Тень сна, та самая козочка, которую он нес на плечах в своем кошмаре, всплыла в его памяти не как ужас, а как озарение.

— Козы, — произнес он, и в его голосе появилась прежняя крепость.

— Что? — Ингрид удивленно вскинула брови.

— В моем сне я нес тебе козу. Живую. Маленькую, с ясными глазами. Я хотел привязать ее у пещеры, чтобы у тебя всегда было молоко. Чтобы тебе не нужно было искать «новое» среди камней.

Он поднялся в полный рост, возвышаясь над ней, и в его взгляде больше не было растерянности.

— Гора не просто пугала меня, Ингрид. Она показала мне, что мы можем не только брать у нее то, что она дает. Мы можем держать жизнь рядом с собой. Я видел это так ясно... будто это уже было.

Он посмотрел на дерево у входа, где во сне была привязана козочка. Сейчас там была лишь пустая трава, покрытая каплями росы, сияющими в первых лучах.

— Я найду их, — твердо сказал Ульф. — Там, наверху, есть стада. Я не буду убивать всех. Я приведу их сюда. Мы загородим часть расщелины, и у нас будет свой скот. Как у великих предков, о которых рассказывал шаман.

Ингрид улыбнулась, и эта улыбка окончательно прогнала остатки ночи. Она поняла, что ее «глупый великан» перерос простого охотника. Он начал строить мир, в котором было место не только для убийства ради сытости, но и для заботы.

— Значит, страшный сон принес добрую мысль? — она легонько толкнула его кулачком в плечо.

— Добрую, — согласился Ульф, вдыхая полной грудью холодный воздух зари. — Но больше так не исчезай. Даже во сне.

Он обхватил ее за талию, притягивая к себе, и они вместе замерли, глядя, как солнце медленно переваливает через хребет, заливая Ян-Ура первым настоящим светом нового дня. Мир был прочен, понятен и полон планов. Ульф сидел на плоском камне, низко склонив голову над работой. Его пальцы, привыкшие к тяжелому топору и разделке мерзлых туш, сейчас двигались с непривычной осторожностью. Он плел веревку. Тонкие, вымоченные в горячей воде жилы переплетались с волокнами горной лозы, образуя тугой, надежный канат. Сон о козочке еще не выветрился из его головы, и теперь Ульф вкладывал в это простое занятие всю свою сосредоточенность. Он проверял каждый узел, каждую прядь, словно от прочности этой веревки зависела сама жизнь в Ян-Ура. Ингрид была рядом. Она раскладывала на прогретом граните свежие коренья, очищенные от земли. Тонкие срезы быстро подсыхали под лучами солнца, источая терпкий, землистый аромат. Она работала молча, время от времени поглядывая на мужа. В оазисе царил тот особый утренний покой, когда даже птицы поют вполголоса, не желая нарушать прозрачную тишину долинного воздуха. Тишину разорвал звук, от которого у Ульфа на затылке поднялись волосы. Это был не лай или вой. Со стороны западной гряды, где туман напознал на острые скалы, раздался низкое, вибрирующее рычание. Казалось, сама земля начала глухо ворчать, предупреждая о чем-то чуждом. Ульф замер, его пальцы выпустили веревку. Он медленно поднял голову, прислушиваясь. Рычание повторилось, становясь гуще. Так рычит не один зверь. Так рычит стая, когда видит врага, но еще не получила сигнала рвать.

Ульф потянулся за топором, его движения стали тягучими и точными. Ингрид уже стояла, вытирая руки о край своей накидки. Ее лицо было спокойным, но в глазах появилось то самое выражение, которое Ульф видел лишь однажды — когда она смотрела в бездну за перевалом. Они пошли вместе, не сговариваясь, по тропе, ведущей к границе тепла. Там, где высокие папоротники уступали место голому щебню, они увидели шесть пар матерых волков. Дюжина зверей застыла полукругом, отрезая путь к отступлению троем пришельцам. Волки стояли неподвижно, их шерсть на загривках стояла дыбом, а желтые глаза не мигали. В центре этого живого кольца, вжавшись спинами в холодный камень, стояли чужаки.

Они были одеты в грубые, засаленные шкуры. Тот, что казался старшим, воровато оглядывался, его длинные, узловатые пальцы постоянно что-то комкали в складках одежды на груди. Он прятал там что-то небольшое, и его рука то и дело дергалась, проверяя, надежно ли скрыта добыча. Второй, пониже и шире в плечах, скалился в ответ на рычание зверей. В его взгляде не было страха перед мощью оазиса, лишь тупая наглость человека, который привык, что сила всегда берет свое. Третий, самый молодой, жадно смотрел на ручей, протекающий неподалеку. Он зачерпнул воду ладонью, сделал глоток и тут же шумно сплюнул в чистый поток, вытирая рот грязным рукавом.

Как только Ингрид сделала шаг вперед, волки, продолжая рычать, расступились. Шесть пар хищных зверей синхронно отошли назад, освобождая ей дорогу к чужакам. Рычание стало чуть тише, но не смолкло совсем, и в этой относительной тишине, сопровождаемой глухим рычанием, был слышен лишь хриплый вздох старшего из пришельцев. Ульф встал чуть впереди Ингрид, его тень накрыла камни под ногами незваных гостей. Он не поднимал топора, но его пальцы на рукояти побелели.

— Мы пришли с миром, хозяйка, — прохрипел старший, не поднимая глаз выше ее колен. Его голос был сухим и трескучим, как ломающийся лед. — Гора едва не сожрала нас. Мы ищем лишь спасения от холода.

Ингрид смотрела на него. Ее взгляд задержался на его руках, которые все еще судорожно сжимали что-то под шкурой. Старший заметил это и медленно убрал руки за спину, пряча их от ее взора.

— Гора всегда открывает тропы тем, чья ноша легка, — тихо сказала Ингрид. Ее голос не дрогнул, он звучал как сама истина этого места. — Если вам было так трудно идти — то может, вы несли с собой слишком много лишнего?

Второй чужак, тот, что скалился на волков, сплюнул под ноги и кивнул на зверей: — Твои псы слишком злые, женщина. В честном бою они бы не посмели так зажимать людей.

Ингрид перевела взгляд на него. Она видела его напряженные мышцы, видела, как он переносит вес тела, готовясь в любой миг выхватить нож.

— Волки Ян-Ура не знают злобы, — ответила она. — Они лишь эхо того, что человек приносит в своем сердце. Если они рычат — то может они просто повторяют чей-то голос?

Чужаки переглянулись. Старший облизнул сухие губы, в его глазах мелькнула тень замешательства. Эти люди не были похожи на тех, кого они встречали в лесах низины. Здесь слова имели другой вес.

— Дай нам тепла, — подал голос третий, самый молодой. — Мы заслужили отдых. Мы прошли через ледники, где само дыхание превращается в крошку.

Ингрид смотрела, как он снова покосился на ручей, в который только что сплюнул. Она подошла к воде, взяла стоявшую на камне берестяную чашу, зачерпнула воду из глубины потока и протянула её юноше. Он взял чашу, глядя на её спокойное лицо, и на мгновение его наглость сменилась неловкостью. Он не знал, куда деть глаза под этим чистым взглядом.

Ингрид обернулась к остальным. Ульф не шевелился, он был похож на изваяние из темного камня, готовое рухнуть на любого, кто сделает неверный шаг.

— Тепло очага принадлежит каждому, кто замерз, — сказала Ингрид, и ее слова прозвучали над притихшим оазисом. — Но помните: огонь греет плоть, но он не может согреть мысли.

После этих слов, женщина посмотрела в глаза Ульфа. Охотник понял этот взгляд и обратился к чужакам, ожидающим ответа, — Ешьте и пейте, чтобы ваши тела окрепли для дальнейшего пути.

Глава 6

В пещере стало тесно. Воздух, всегда чистый и дышащий прохладой камня, теперь казался густым и тяжелым. Он был пропитан запахом чужих тел — запахом пыли, пота и чего-то еще, более неприятного, как будто кожа этих троих не знала ни воды, ни солнца. Этот запах смешивался с ароматом дыма от очага, с терпкостью сушеных трав Ингрид и с прохладной влагой, поднимающейся от озера. Для Ульфа это было почти физической болью, как будто кто-то затолкал в его логово диких, немых зверей. Его рука, лежащая на рукояти топора, чуть дрогнула. Он видел, как Ингрид, которая обычно двигалась в этом пространстве так же естественно, как рыба в воде, теперь ступала осторожно, словно обходя невидимые препятствия. Она не выгоняла их, не кричала. А просто расстелила перед каждым из гостей три широких, темно-зеленых листа папоротника на плоском, прогретом камне. Затем она подошла к очагу, где на углях уже доходили куски мяса. Это был окорок горного козла, принесенный Ульфом. С него капал жир, шипя на углях, а запах был густым и сытным, пробуждая аппетит даже у тех, кто ел до отвала. Она аккуратно выложила на каждый лист по самому лучшему куску, самому сочному, тому, что был ближе к кости. Затем она достала из своего угла «сладкокорень». Срезы, что она сушила утром, стали плотнее, их белый мякиш приобрел сладковатый, землистый аромат. Хозяйка пещеры разломала его пополам, чтобы каждому досталось по полной порции. Рядом лежала вяленая «пятнистая прыгунья», рыбина, которую Ульф принес из ручья. Она была твердой, вкуснопахнувшей и от нее исходил тонкий запах чистой воды. Ингрид разделила и ее, каждому гостю достался приличный кусок.

Последним был мед. Ульф нашел его сам, когда искал новые места для завтрашней охоты. В старом дупле, на склоне, где цвели душистые горные травы, он обнаружил настоящее сокровище. Он принес его Ингрид, осторожно, как нечто дорогое. Теперь Ингрид достала из своего запаса небольшой кусочек этого запашистого, густого «меда», завернутый в чистый кусок коры. Он был еще теплым от солнца, которое недавно грело этот дуб. Она обошла каждого, ставя перед ними чаши с холодной водой из ручья. Ингрид не отводила глаз от гостей. Она смотрела на старшего, на второго, на младшего. Ее взгляд не был обвиняющим или испуганным. Он был спокойным, в котором отражается истина.

Младший, тот, кто еще утром плюнул в ручей, замер, когда Ингрид поставила перед ним чашу. Его руки, еще хранящие темные следы земли под ногтями, непроизвольно дернулись. Он посмотрел на свои пальцы, потом на ее — чистые, тонкие, с ногтями, подпиленными до идеальной гладкости. Он привык, что его появление означает грязь, драку и страх. А здесь... здесь его просто кормили. Он взял чашу двумя руками, стараясь не коснуться ее края нечистыми пальцами. Старший и второй гости жадно набросились на мясо, разрывая его руками, чавкая и не обращая внимания ни на что вокруг. Их глаза бегали по стенам пещеры, по запасам шкур, по топору Ульфа, лежащему у его ног. Но младший ел иначе. Он отломил маленький кусочек «сладкокорня», поднес его к губам и медленно, почти с благоговением, распробовал. Затем он взял рыбу, такую желанную в этих краях, и только потом, под давлением голода, начал есть мясо. Он ел так, как будто не ел никогда в жизни, но в его движениях не было той дикой жадности, что у его сотоварищей. Он чувствовал вкус каждого куска, и этот вкус был слишком чистым для него.

Ульф сидел в тени, напротив входа в дальний проход, перекрывая путь к отступлению. Его глаза не отрывались от гостей. Он видел, как жадно они едят, как старший украдкой поглядывает на украшение из клыков, висящее на шее Ульфа. Он видел, как второй, насытившись, демонстративно вытер руки о шкуру, на которой сидел. Но больше всего его настораживал младший. Он ел не как зверь. Он ел как человек, который впервые увидел свет. Его взгляд, когда он случайно поднимал голову, встречался с тихим, спокойным взглядом Ингрид, и парню

становилось неловко. Не страшно, а именно неловко, как будто он оказался в чужой, слишком чистой одежде.

«Мои братья — волки, они видят все, — подумал Ульф, глядя на старшего, который пытался незаметно подсунуть себе под шкуру кусок вяленой рыбы. — А Гора — моя мать, она не любит лишних звуков». Он молчал, позволяя Ингрид быть тем светом, которым она была. Но его рука лежала на рукояти топора. Он был готов в любой момент стать воплощением этого холодного камня, который не прощает ошибок.

Жир на пальцах старшего гостя блестел в свете очага. Он вытер руки о свои лохмотья и обвел тяжелым, оценивающим взглядом своды пещеры. Его спутники откинулись на шкуры, тяжело дыша от сытости, но их глаза не закрывались — глаза второго шарили по углам, по связкам сушеного мяса, по блестящему лезвию топора Ульфа.

— Сытно ели, — вкрадчиво произнес старик, и его голос прозвучал как шорох сухой змеиной кожи по камням. — Редко Гора открывает такое тепло для двоих. Неужто за хребтами нет твоих братьев, хозяин? Тех, кто помог бы тебе стеречь такую благодать, если зимние ветра приведут сюда голодных людей?

Он смотрел на охотника, пытаясь нащупать правду в его молчании. В этом вопросе не было благодарности, только расчет — сколько копий нужно, чтобы забрать это место себе.

Ульф медленно поднял голову. Свет огня играл на его скулах, превращая лицо в застывший камень из темного гранита. Он не шевелился, но напряжение в его плечах было таким, что казалось, сами стены пещеры сейчас начнут трескаться.

— Гора — моя мать, — голос Ульфа был низким и ровным. — Она не любит лишних звуков. А волки — мои братья, они видят все, даже то, что спрятано под шкурами. Нам хватает места. И нам хватает силы, чтобы это место оставалось тихим.

Один из чужаков, тот, что шире в плечах, усмехнулся и протянул руку к белой меховой накидке, висевшей рядом с Ингрид. Он хотел прощупать мех, проверить его крепость, но его пальцы замерли в ладони от края шкуры. В пещере стало так тихо, что было слышно, как шипит капля жира, упавшая в угли. Ульф не встал, он даже не шепнул угрозу, но его взгляд придавил руку гостя к камню.

Ингрид медленно подошла и встала между ними. Она не смотрела на гостя со злобой. В ее глазах была лишь бесконечная, глубокая печаль, как в лесной заводи перед первыми заморозками. Она посмотрела на мужа, и этот долгий, немой взгляд сказал ему больше, чем любые слова. Ульф почувствовал, как ярость, закипавшая в груди, медленно отступает, сменяясь холодной решимостью. Охотник поднялся в полный рост. Его тень накрыла чужаков, став огромной и грозной на неровном своде пещеры.

— Солнце ушло за пики, — сказал Ульф, и это прозвучало как захлопнувшаяся западня. — Воздух в Ян-Ура становится холодным для тех, кто здесь не живет. Пора.

Чужаки нехотя начали подниматься. Старший хотел что-то добавить, но, встретившись с глазами хозяина, лишь поджал губы.

Ингрид вышла вперед. Она держала в руках три одинаковых свертка из сухой коры, перевязанных тонкими жилами. В каждом лежал кусок запеченного мяса и два крепких «сладко-корня». Она подала их каждому — сначала старшему, потом второму, и последним — младшему. Тот взял сверток бережно, стараясь не смотреть на ее руки, и в его движениях была та самая неловкость, которая бывает у человека, внезапно осознавшего свою низость.

Ульф подошел к очагу. Он взял полый рог горного козла, и осторожно, кончиком ножа, переложил в него крупные, пульсирующие жаром уголи. Он присыпал их сверху тертой корой и закрыл костяной крышкой с мелкими отверстиями. Из рога потянулась тонкая струйка сизого дыма. Это был огонь. Жизнь, которую они забирали с собой. Охотник протянул рог старшему. Тот принял дар обеими руками, и на мгновение в его вороватых глазах отразилось что-то похо-

жее на благоговение. Дать еду — значит накормить плоть. Дать огонь в дорогу — значит подарить надежду на еще один рассвет в Серой зоне.

Они вышли из пещеры в густые сумерки. Воздух Ян-Ура уже не казался таким теплым, как днем. У границы кустов, где начиналась тропа к ледникам, их уже ждали. Шесть пар серых теней бесшумно отделились от камней. Волки не рычали. Двенадцать желтых огней зажглись в темноте, образуя живой коридор. Чужаки шли, тесно прижавшись друг к другу. Младший шел последним, он крепко прижимал к груди сверток с едой и постоянно оглядывался на светлую фигуру Ингрид, стоявшую у входа в пещеру. Его товарищи торопились уйти, но он чувствовал, что за спиной остается не просто еда и тепло, а нечто такое, чему он не знал названия. Ульф провожал их до самого края, где трава сменялась острым, промерзшим щебнем. Он стоял на границе тепла, и волки замерли вместе с ним.

— Дорога назад всегда короче, если не оглядываться, — бросил Ульф им вслед. — Мои братья проводят вас до тумана. Не сходите с тропы.

Трое мужчин начали растворяться в сизой мгле. Один красный огонек — тлеющие уголи в роге — мерцал в руках старика, становясь все меньше и меньше, пока не превратился в крошечную искру в бескрайнем океане холода. Ульф ждал долго. Он стоял неподвижно, вдыхая воздух, пока запах чужих людей, их пота и страха, не выветрился окончательно, сменившись привычным ароматом влажного папоротника и ночных цветов. Только тогда он обернулся и пошел назад. Шел обратно по тропе, чувствуя, как холод Серой зоны неохотно отступает перед дыханием Ян-Ура. От его шкур пахло мокрым снегом, терпким туманом и тяжелым, диким запахом волчьей шерсти. Шесть пар серых теней, проводивших чужаков до самого льда, уже растворились в зарослях папоротника, и только тихий шелест листы выдавал их присутствие. Охотник остановился у самого входа в пещеру, вдыхая воздух. Запах чужих людей еще висел здесь — кислый, липкий, он казался чужеродным пятном на чистом лице оазиса. Ульф зашел внутрь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.